

На полотнах — июльский Ростов

• Елена Ким

Сергей Александрович Гавриляченко впервые побывал в Ростове летом 1983 года, и с тех пор приезжал сюда каждый год, сначала студентом Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова, затем в качестве педагога и руководителя студенческой

практики. Сейчас народный художник Российской Федерации, профессор МГАХИ им. В.И. Сурикова, секретарь ВТОО «Союз художников России» С.А. Гавриляченко посчитал, что в общей сложности прожил в Ростове более двух лет. И за эти «годы» он создал большое число картин, посвященных древнему городу. А поскольку студенческие практики бывают в июле, то и Ростов на полотнах художника всегда летний — в зеленой листве деревьев, в жарком солнечном мареве или в гаснущих лучах закатов, с июльскими грозами и радугами над озером, с набирающими силу растениями на знаменитых ростовских огородах.

Значительную часть созданных художником в Ростове картин, уже хорошо известных по воспроизведениям в альбомах, каталогах, журналах, можно будет увидеть в Ростовском музее на открывающейся персональной выставке

Вернисаж состоится 8 июля 2011 года в 15.00, на 2-м этаже красной палаты.

«Сергей Гавриляченко. Живопись». Помимо городских пейзажей Ростова на выставке будут представлены полотна, посвященные истории и культуре русского казачества — основной темы творчества художника. Всего на выставке экспонируется около 40 произведений, выполненных в 1990-х-2010-х гг.

Помимо картин на выставке можно будет увидеть многочисленные издания, в которых опубликованы труды С.А. Гавриляченко о современной художественной жизни, истории искусства и о проблемах художественного образования. Несколько его статей опубликованы в научных сборниках Ростовского музея. На выставке также будет демонстрироваться документальный фильм «Сергей Гавриляченко», подготовленный художественной галереей «АРТ-ПРИМА» (Москва) в рамках проекта «Романтики реализма».

К 1150-летию Ростова Великого

Совместный проект ГМЗ «Ростовский кремль» и газеты «Ростовский вестник» о Ростове и о себе
Как я ходила в детский сад в Ростове в послевоенные 1947-1948 годы

• Нина Черезова

Продолжение.
Начало в «РВ» от 23.06.11.

Клуб паточного завода остается позади. Я прохожу мимо дома с деревянным красивым крыльцом. Дом высокий, стоит крепко. Все знают, что в нем живет врач Желваков. Сразу же за этим домом, на той же левой

Сыновья учились, муж и дочь работали. Дисциплина тогда была везде строгая, не уйдешь. Очередь была большая, но никаких скандалов из-за нарушения ее я не помню. При мне их не было. Все стояли спокойно, знали, что муку дадут, ее хватит всем, кто пришел. Имело значение, наверное, и то, что многие друг друга знали. Очень удивляло, что и на меня дадут

довольно долго, постепенно принимая запущенный вид. Многие тогда знали, что в нем живет Катя-Барыня.

В те времена она была известна всему городу. Некоторые не видели ее никогда, но имя знали. Я ее помню, видела Катю-Барыню то на улице, то в магазине. Была она выше среднего роста, несколько полная, как и многие женщины в годах, но не толстая, краснолицая, держалась прямо. Говорили, что она пьет. В те времена это была единственная пьющая женщина на весь Ростов, поэтому ее и знали. Она не скрывала своего пристрастия к выпивке, даже с каким-то вызовом вела себя, особенно когда ей хотелось выпить.

Когда я стала взрослой, приходилось слышать от женщин, которые помнили дореволюционное время, что в прошлом Катя-Барыня была в доме терпимости, т.е. в публичном доме. Говоря об этом, они понижали голос, опускали глаза и сразу старались перевести разговор на другие темы. Говорить о таком они считали неприличным. По книгам, из художественной литературы, мы, конечно, знали, что это были за дома. Удивительным казалось, что такой дом был в Ростове. Другое дело в книгах Мопассана и Золя.

Жила Катя-Барыня, как мне кажется, долго. Постепенно она все больше опускалась. Лицо ее стало одутловатым, отекавшим. Совсем не помню, как она одевалась. Говорили, что в конце концов она попала под машину. То ли случайно, то ли специально она так сделала, чтобы потом потребовать у шопера деньги на выпивку. Был в те времена такой способ добывания денег, когда пьющим людям они крайне были нужны. Возможно, рассказы о такой кончине Каты-Барыни являлись всего лишь легендой, легендой городского масштаба. И такая личность, как Катя-Барыня, вполне имела право на такую легенду после своей смерти. Недавно я узнала, что были потом в Ростове еще две женщины, которых называли так же. Можно сказать, что это были Катя-Барыня Вторая и Катя-Барыня Третья, как Лжедмитрийи когда-то. Каковы были их настоящие имена, мне узнать не удалось. Теперь на месте дома, где жила настоящая Катя-Барыня, построен новый, похожий на тот, какой был до него.

Дальше, на углу улиц Ленинской и Радищевой можно было видеть здание начальной школы № 4, одноэтажное, с мезонином. Через дорогу начиналось здание больницы. Мне нравились разноцветные плитки, украшавшие его. Особенно хороши были необыкновенные белые птицы. Орнамент других плиток хотелось

запомнить и нарисовать его дома.

Сразу за больницей был большой бревенчатый дом. Стоит он на своем месте и сейчас. Тогда в нем жил детский врач Наумов. Однажды я чем-то отравилась, и мама привозила меня к этому врачу на дом. Случилось это зимой. Мне запомнилось, что в доме было очень холодно.

За домом Наумова одно за другим следовали здания, в которых учились на механиков и электриков студенты сельскохозяйственного техникума. Здесь на отделении электрификации учился Леся Лобзин. В эти годы он был увлечен спортивной гимнастикой, ее тогда любили многие. Видимо, знания в техникуме давали неплохие, потому что по окончании его Леся легко поступил в Саратовское танковое военное училище.

И вот уже впереди, совсем близко, улицы Фрунзе. Здесь мне надо было повернуть налево и по ней идти до улицы Декабристов, которую еще называли Ивановской. На улице Фрунзе часто можно было видеть солдат, марширующих строем. Ходили они очень красиво, а главное — пели. Песни у них были разные, но мне особенно нравилась та, которую мы и в детском саду пели. В ней были такие слова: «Несокрушимая и легендарная, В боях познавшая радость побед, Тебе, любимая, родная армия, Шлет наша Родина песню-привет».

Все солдаты были подтянутые, все у них было в полном порядке. С ними всегда шел офицер. И это был настоящий офицер, пример для солдат. Само слово «офицер» тогда говорили с особым выражением, офицеров уважали. И было, за что. Уже по их внешнему виду было понятно, что это люди с чувством собственного достоинства и достойные особого к ним отношения. Это потом, лет через тридцать, будут по этой улице ходить такие офицеры, каких солдатам лучше совсем не видеть. И песни со временем солдаты петь перестанут. А тогда, в детстве, солдатские песни поднимали настроение, заставляли идти веселее. Солдаты чеканила шаг, шли бодро. Хотелось идти так же, как они. Если песня особенно нравилась, можно было идти под нее до самой улицы Спартаковской и только там повернуть направо. От перекрестка до детского сада оставался один квартал.

**Продолжение следует.
На фото:
няня В.И. Трунова и ее дочь
Александра, 1947 г.;
дом на ул. Ленинской Ростова,
в котором жил
детский врач Наумов.**

Память объединяет континенты

• Елена Крестьянинова

30 июня в Ярославле в Государственной академии промышленного менеджмента (ГАПМ) прошли презентационные мероприятия, посвященные выходу в свет новой книги о семье купца, промышленника и крупнейшего благотворителя Николая Петровича Пастухова (1820-1909), имя которого академия носит.

Современники называли его «королем железного рынка». Владелец пяти металлургических заводов, от слова которого зависела Нижегородская ярмарка по сделкам на железо, по широте благотворительности Н.П. Пастухов для Ярославля — все равно, что А.Л. Кекин — для Ростова. Только Алексей Леонтьевич не увидел созданной на его средства гимназии, а Николай Петрович при жизни еще немало помогал устроившему на пожертвованный им капитал механическому училищу (в его стенах и размещается ныне названная академия).

Книга «Прошу детей моих жить в мире и согласии», выход которой в свет приветствовали научный мир, общественность и гости Ярославля — третье издание, посвященное самому щедрому благотворителю губернского города. Ее название взято из духовного завещания Николая Петровича, призывавшего своих детей не заводить между собою ссор и тем не оскорблять его память. В семье Н.П. Пастухова было 16 детей. Судьба разбросала его детей и внуков по всему свету, и родственные связи их были утрачены.

Но случилось чудо — по прошествии целого столетия потомки самого Николая Петровича по женской линии и потомки его близких родных получили прекрасную возможность познакомиться. Это произошло благодаря изысканиям сотрудников ГАПМ во главе с ее ректором Н.Н. Аниськиной, которые сумели найти их в Австралии, США, Канаде, Франции, Швейцарии. Возраст позволил некоторым из них посетить свою историческую родину. Фамилию предков носившие живущие в США братья Филипп и Степан Алексеевичи, потомки двоюродного брата Н.П. Пастухова.

На презентационных мероприятиях в числе потомков по женской линии присутствовали князь Дмитрий Михайлович Шаховской, известный в ученом мире крупнейший исследователь российской дворянской генеалогии, с супругой (Франция)

и живущий по велению сердца в России их сын Иван Дмитриевич, Мария Павловна Науменко (США).

Череду мероприятий открыл Круглый стол «Благодарительность и меценатство: вчера, сегодня, завтра», в котором участвовали специалисты, преподаватели, студенты-историки, филологи, филологи ярославских вузов, гости ГАПМ из-за рубежа, Ростова-на-Дону и Ростова Великого, поделившиеся своими взглядами на сложную проблему развития благотворительности в наши дни, в современном мире. То, что являлось столь естественным и необходимым в прошлом, составляя часть менталитета купечества, с трудом рождается ныне.

Участников Круглого стола впечатлил рассказ праправнучки Н.П. Пастухова — М.П. Науменко. Жена православного священника, она поведала о деятельности русской общины в г. Рочестере, (США), где на пожертвованные средства (1 млн 300 тыс. \$) была построена церковь во имя Покрова Богородицы. При этом храме, расположенном в очень красивом месте недалеко от Ниагарского водопада, действуют воскресные школы для взрослых и детей.

После завершения Круглого стола состоялась презентация книги «Прошу детей моих жить в мире и согласии». Как уже говорилось, это третье издание, рассказывающее о семье Пастуховых, их семейном деле и потомках (первая книга «Имя чести быть вашим» вышла в 2000 году, вторая «В потомственное дворянство возведен» — в 2008 г.).

Конференц-зал ГАПМ был полон. В выступлениях составителей новой книги Н.Н. Аниськиной и И.В. Вагановой, авторов статей, зарубежных гостей, исследователей наследия Пастуховых, представительницы общественности звучала общая мысль — память объединяет континенты. Память делает человека — Человеком.

В лучших традициях старинной благотворительности всем участникам презентации книги «Прошу детей моих жить в мире и согласии» была подарена.

На фото А. Лукиной: 1. составители и авторы книги И.В. Ваганова, Н.Н. Аниськина, В.М. Марасанова, Н.В. Обнорская; 2. участники Круглого стола из Ростова Е.И. Крестьянинова, Г.А. Никитина; 3. потомки Пастуховых М.П. Науменко, Е. Беляева, Д.М. Шаховской, И.Д. Шаховской.

стороне, по которой я иду, вижу одноэтажное белое здание. Помню его как продуктовый магазин. Теперь на этом месте стоит трехэтажный дом из силикатного кирпича. Магазин занимал приблизительно третью часть площади, отведенной позднее под строительство дома. Находилась он там, где сберкасса, с того угла.

С этим магазином у меня связаны вот какие воспоминания. Два раза в году, на Октябрьскую и на 1-е Мая, в нем давали муку. Тогда именно так говорили, давали. А не продавали. И это была белая пшеничная мука. Наверное, это было уже тогда, когда отменили карточки. Очередь за мукой выстраивалась на рассвете. Все терпеливо ждали открытия магазина. В очереди стояли в основном женщины. Ближе к открытию они шли домой за детьми, поднимали их с постели и приводили с собой. Муку давали по одному пакету в одну руку. В пакете было три килограмма.

Тетя Катя брала за мукой меня.

пакет муки, как на взрослого человека, такой же большой. Пакеты были из плотной гладкой бумаги темнопесочного цвета. На них красным по кругу было написано, что это за мука. Не помню, сколько тогда эта мука стоила. Рассчитываться за нее было не моим делом. Не помню, можно ли было вставать в очередь второй раз, но не кончалась она до вечера. Получив муку, мы с тетей Катей шли домой. Я знала, что из этой муки она испечет на больших противнях в русской печи сладкие пироги с повидлом, если оно есть, а если нет, то со свеклой-сахаркой. Ела я тогда очень мало, из-за чего и мама, и все родные очень переживали, а вот сладкого хотелось.

Продолжая свой путь по Ленинской улице теперь уже в воспоминаниях, не могу не сказать, какие дома были после магазина. Сразу представляю белый двухэтажный кирпичный дом с высокими окнами, которым, как мне потом казалось, несколько не хватало ширины. Дом этот стоял